УКРАИНСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПИСЬМО

брата АТАМАНА ГРИГОРЬЕВА—
Александра Григорьева

к крестьянам и рабочим Украины.

Цена 50 коп.

ВСЕУКРАИНСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО,
ОДЕССКОЕ ГУБЕРНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ.
ОДЕССА 1919

Народ Украинский! Товарищи крестьяне и рабочие, те, чьи мозолистые руки в неустанном труде добывают себе кусок хлеба, еле-еле хватающий на пропитание, те, кого веками угнетали, кто не знал ни минуты отдыха, ни минуты покоя от царских нагаек, поборов, издевательств от немецких насилий и гетманской опричины. **Я брат атамана Григорьева Александр Григорьев, совместно с ним работавший в его штабе, обращаюсь к Вам** с теми моими думами, с той моей страдающей совестью, которая не дает мне теперь покоя, которая требует от меня, чтобы в настоящую грозную минуту для Советской власти, для Вашей власти рабочих и крестьян — я сказал всю правду.

Мой брат, Никифор Григорьев, штабс-капитан старой царской армии, при нашествии на Украину немцев стал атаманом повстанческих войск Херсонщины и Таврии, а когда появился полковник Петлюра — брат мой стал действовать совместно с ним.

Петлюра был разбит, а мой брат, окруженный Советскими войсками, перешел на их сторону и стал опять членом Советской Республики.

В эту тяжелую минуту я начал с ним работать.

Все, кто чувствовал себя истинным сыном нашей дорогой Украинской Республики, все шли тогда работать на тяжелую ниву борьбы с контр-революцией.

Нужно было взять Одессу, Херсон и Николаев, нужно было удержать натиск французов и англичан, натравивших своих рабочих и крестьян, одетых в солдатские мундиры, на Советскую Россию, на удушение ее.

И вот в эту минуту начал я свою работу с моим братом Никифором.

Славные дни взятия Одессы, когда под орудийные залпы по французским и греческим полкам, мы в штабе ждали с часу на час поражения союзников, те сомнения, которые возникали у моего брата в самый критический момент: «возьмем или не возьмем Одессу»,—вызывали у меня глубокое чувство доверия к нему.

Он был единственным человеком, который не терял головы.

Хотелось верить, жить и работать.

Одесса в наших руках. Телеграммы по всей Советской России, на страх всему мировому капиталу, возвестили эту радостную весть.

Войска верили моему брату, верили ему и все в штабе, еще раз повторяю, верил ему и я.

Но прошла пора побед. Пошли войска на отдых, и тут-то началось постепенное разложение как войск, так и штаба.

Брат мой стал попивать, хоть раньше с ним это бывало, но не в такой острой форме, как теперь.

Начал куда-то уходить и приходить в свой вагон к 4—5 час. утра. Автомобильная езда по городу Алексан-

дрии штаба и всех штабных дам, какие-то новые лица с офицерской выправкой.

Делегация от Махно, делегация еще откуда-то, о чем брат мне не говорил.

Частые совещания. И наконец одним утром груда Универсала на столе штабного вагона.

Снова суматоха. Передвижение эшелонов.

Первые чтения Универсала уже зародили во мне глубокое сомнение.

Зачем этот универсал? Куда ведет мой брат веривщие ему войска?

Но слабая сила воли держала меня при нем. В Универсале предлагалось созвать какие-то Советы.

Упоминалось про людей, распявших Христа. Бросались оскорбления Народным Комисарам, нападали на Чрезвычайку.

А на ряду с этим пьянство в войсках усиливалось. Коммунисты арестовывались.

И наконец сведения о наступлении на Екатеринослав окончательно убили во мне всякую веру в то дело, которое меня сблизило с братом. Вся мысль была направлена на то, чтобы вырваться из этого уже тогда, по моему мнению, преступного гнезда.

Брату Революционный Совет Республики приказал двинуть войска на Румынию для того, чтобы окончательно разбить отступающих французов и англичан. А он, вместо этого, начал занимать города и узловые станции Украины.

Нужно было душить контр-революцию, а он в своем Универсале призывал Вас, товарищи крестьяне, к погромам, ибо что значили слова: «гоните прочь людей, распявших

Христа», как не призыв громить евреев, а к таким погромам призывала и царская власть для того, чтобы обмануть Вас и отвлечь Ваше внимание от истинной правды.

Программа коммунистов была освещена в самом извращенном виде. Травили их, как только было можно. Говорили крестьянам, что в Коммуну коммунисты гонят насильно, что коммунисты грабят.

А между тем те коммунисты, какие были у нас в штабе и кого потом арестовал мой брат, говорили мне о партии коммунистов совсем другое. Это были люди, которые верили беззаветно в светлое будущее человечества, которые создавали истинно-рабочую крестьянскую власть, которые не знали ничего другого, как только самую беспощадную борьбу с капиталистами и помещиками.

Я прозрел. Я ушел из штаба. Я начал скрываться, боясь мести, боясь моего ареста за дела моего брата.

Меня арестовали в Кривом Роге. Я не упрекаю коммунистов за этот арест, иначе они не могли поступить.

Разве, мне, брату Григорьева, **брату человека, который дважды изменил,** могли поверить эти люди, которые никогда, ни при каких обстоятельствах не изменяли тебе, Украинский рабочий и крестьянин?

Которые умирали и умирают за тебя под пулями, на эшафотах, под истязаниями Деникинских, Колчаковских, Финляндских, белогвардейских-офицерских и казачьих банд?

Мне, наконец, дали тов. коммунисты возможность рассказать тебе, Украинский народ, о том, что я думаю и переживаю.

Крестьянин и рабочий Украины! Встань как один человек, под ружье, брось внутреннюю борьбу, иди в ряды Рабоче-Крестьянской армии, на борьбу с Деникиным и Колчаком.

Неси оружие, какое у тебя спрятано. Это оружие теперь нужно сражающимся на фронте твоим братьям за твою землю и за твое Рабоче-Крестьянское добро, за твою истинную волю, которую ты выявил, создав Советскую власть.

Советская власть, я глубоко в этом убежден, будет во всем мире.

Ты слышал, что в Венгрии и Словакии уже Советская власть, что Германия накануне этой власти, что Советскую власть приветствуют все рабочие и крестьяне всех стран, что нет уголка на всем земном шаре, где бы не знали, не произносили с восторгом рабочие и крестьяне слово: «Большевик-коммунист».

Тягчайшим преступлением будет теперь, народ Украинский, подымать какие-либо восстания в тылу нашего фронта.

Нож в спину нашей Украины было выступление моего брата Никифора против Советской власти у коммунистов, когда судьба твоя, твоя свобода в опасности.

Все, что плохо в нашей Советской Украине, все ошибки, если они есть, мы исправим потом, когда раздавим Деникина, Колчака и весь мировой капитал.

Никто нас не учил управлять, народ Украинский, а дело управления—тяжелое дело, не ошибается только тот, кто ничего не делает.

За дело же, народ Украинский, крестьянин Украины, чтобы не пропало даром море пролитой крови наших братьев, чтобы не была задушена наша свобода.

Винтовку в руки, старые и малые, в ряды Красной Армии, сносите оружие в Ваши Советы и Комендатуры.

Гоните прочь предателей и провокаторов.

Не верьте моему брату, он дважды изменял и его последняя измена открыла фронт генералу Деникину.

Оставьте его и его помощников — без Вас они ничто.

Пока не поздно—к оружию, в Красную Армию.

Я брат Атамана Никифора Григорьева — Александр Григорьев—умоляю Вас об этом.

Фронт должен быть единый.

Власть должна быть единая—Советская рабочая и крестьянская.

Вперед без страха на борьбу до победы!

Да здравствует Мировая Советская Республика!

Да здравствует 3-й Коммунистический Интернационал!

Александр Григорьев.

7-я Советская типография.